

Лидия Чарская

Так велела царица

Лидия Чарская

Так велела царица

«Public Domain»

1910

Чарская Л. А.

Так велела царица / Л. А. Чарская — «Public Domain», 1910

Как безумная, металась по своей убогой избушке крестьянка, испуганная словами сына. Она то хватала посуду и без всякой цели расставляла ее, то подбегала к своим сыновьям, обняв их, прижимала к себе, шепча молитвы. Слезы отчаяния лились из ее глаз. Девятилетний Ванюша тоже горько плакал, глядя на мать. Лишь Мартын угрюмо хмурил свои темные брови и крепко сжимал свои еще детские руки...

Лидия Алексеевна Чарская

Так велела царица

– Какая стужа!.. Какой ветер!.. И не видно, матушка, что весна на дворе!

Белокурая головка загорелого, голубоглазого мальчика, произнесшего эти слова, прильнула к запотевшему окну, и светлые глазенки его впились в полумрак ненастного апрельского вечера.

– Да, уж погода! А бедняга Мартын в такую погоду пасет свое стадо, – отозвалась еще не старая, но худая, измученного вида женщина с печальными глазами.

– Мартын работает за отца, матушка... С той поры, как отца увезли от нас, Мартын всякое дело делает, совсем как большой... А знаешь, матушка, – продолжал мальчик, – я хотел бы быть таким же, как он... Хотел бы помогать тебе, родная...

– Куда тебе! Ты совсем еще маленький у меня, – глядя рукою белокурую головенку сына, произнесла крестьянка. – Подожди, будет тебе столько же лет, как Мартыну, минет тринадцать, вот ты мне и поможешь, Ванюша.

И женщина прижала сынишку к груди.

На минуту в избе наступило молчание. Слышно было только, как на дворе шумела непогода, да сверчок трещал за печкой свою неугомонную песенку. И снова прозвучал, нарушая тишину, звонкий детский голосок:

– Верно, мы уж больше никогда не увидим нашего отца, матушка... Мне сказывали деревенские ребята, что его увезли далеко-далеко и посадили там в тюрьму. А другие говорят даже, что его убили...

– Нет... нет... не верь этому... этого не может быть. Бог милостивый не позволит, чтобы ваш отец невинно пострадал...

– А знаешь, матушка, говорят, отца увезли за то, будто он сказал, что мы, хотя и простые крестьяне, приходимся родней русской царице...

Едва только мальчик успел произнести последние слова, как мать, подбежавши к сыну и зажимая ему рот рукою, пугливо озираясь по сторонам, зашептала:

– Молчи, сынок... молчи, Ванюша... Ты только погубишь нас такими словами... Разве это можно, чтобы простые крестьяне приходились родственниками царице?.. Карл не мог этого сказать... Ведь этим он бы оскорбил русскую царицу... Нет, нет, боже сохрани сказать кому-нибудь об этом, сынок... Упаси господь! Схватят, засудят, в тюрьму посадят, казнят, то есть убьют попросту...

– Так почему же отца-то от нас увезли? – спросил опять мальчик. – Ведь он ни в чем не провинился?

– Не знаю, сынок мой, ничего не знаю, – прорыдала несчастная крестьянка. – Помню только, что год тому назад, в такой же весенний вечер, только не дождливый и ненастный, а светлый и теплый, приехали в наше село русские солдаты и, заявив, что они присланы сюда, к нам в Дагобен, по приказанию самой царицы, за вашим отцом, увезли его с собою...

– Как это страшно, матушка! – весь дрожа при одном воспоминании о случившемся, произнес Ваня.

– Да, ужасно, сынок!..

В это время кто-то сильно постучал в дверь. Мать и сын вздрогнули.

– Господи помилуй! Кто это может быть? – прошептала со страхом бедная женщина, отодвигая тяжелый дверной запор.

* * *

– Мартын! Ты! Но боже мой, что с тобою?.. – В горницу ворвался красивый черноглазый мальчик. Он был без шапки, и спутанные кудри его бились по стройным детским плечам. Кафтан распоясался и беспорядочно болтался на его сильной, рослой фигуре. Темные живые глаза горели от волнения. Бледное лицо носило следы тревоги...

– Матушка! Нам грозит новая беда... – вскричал он испуганным голосом. – Я пас помещичьих свиней на опушке леса вблизи нашего Дагобена... и вдруг... вижу, едет целый отряд солдат... Они направляются прямо в нашу деревню... Я хорошо разглядел их лица. Матушка! Я узнал их!.. Это те же солдаты, которые год тому назад увезли от нас отца... Они опять появились в Дагобене... Я не знаю зачем, но мне кажется... я предчувствую... что-то худое должно случиться с нами опять... Я бросился бежать без оглядки, оставив стадо у леса... Мне страшно за тебя и за Ваню, матушка... Солдаты, наверное, приехали за нами... Схватили отца, теперь нас схватят... Надо закрыть дверь, матушка, потушить огонь... Кто знает, может быть, Господь пронесет это несчастье и они проедут мимо нашего дома.

И, говоря это, черноглазый Мартын проворно закрыл дверь, потушил лучину и, чутко прислушиваясь, к тому, что делалось на улице, поминутно смотрел в окно.

Но за окном все было тихо. Весь Дагобен (такое название носила деревушка, где происходило описываемое событие), очевидно, спал уже крепким сном в этот поздний час. Ни шороха, ни звука...

* * *

Как безумная, металась по своей убогой избушке крестьянка, испуганная словами сына. Она то хватала посуду и без всякой цели расставляла ее, то подбегала к своим сыновьям, обняв их, прижимала к себе, шепча молитвы. Слезы отчаяния лились из ее глаз. Девятилетний Ванюша тоже горько плакал, глядя на мать. Лишь Мартын угрюмо хмурил свои темные брови и крепко сжимал свои еще детские руки.

И вдруг глаза его блеснули твердой решимостью.

– Не бойся, матушка! Я никому не позволю тебя обижать, – произнес он сурово, как взрослый. – Пусть Ваня ложится спать... да и ты тоже ложись... Я лягу у порога и защищу тебя, если явятся враги.

– Нет, нет! Не до сна сегодня, милый! – прошептала в ответ ему его несчастная мать. – Ведь каждую минуту сюда могут явиться солдаты...

Она не договорила... Ясно и гулко донесся до их слуха топот лошадиных копыт, разом нарушивший мертвую тишину дагобенской улицы.

– Господи боже! – в ужасе вскричала Мария. – Это они! Мы пропали, дети! Они сию минуту ворвутся к нам...

И она упала на колени посреди избы, крепко прижимая к груди своих сыновей. Слезы обильно струились по испуганному личику Ивана, в то время как Мартын, сжимая кулаки и сердито нахмутив брови, внимательно глядел на дверь... Этот смелый, отважный мальчик решил во что бы то ни стало защитить мать и брата от грозящей им опасности.

Между тем ясно слышались отдельные звуки, возгласы... Еще минута, другая, и сильный удар в дверь потряс ветхую избушку всю до основания.

– Эй, кто там? Открывай живее! – слышались голоса за порогом.

– Мы погибли! – прошептала в ужасе крестьянка, еще крепче прижимая к себе своих сыновей.

– Слышишь, отворяй скорее, – прокричал грубый голос за дверью, – а то мы разнесем вашу хату!

И снова посыпались удары один за другим. Ветхая дверь не выдержала, затрещала и тяжело рухнула на пол.

В ту же минуту шесть вооруженных солдат ворвались в горницу. Впереди всех находился сержант, начальник отряда.

– Ты Мария Скавронская? – обратился он к испуганной хозяйке.

Та хотела ответить и не могла. Страх, ужас, отчаяние сковали уста несчастной женщины. В ту же минуту черноглазый мальчик выскочил вперед, весь пылая гневом, крикнул сержанту:

– Не трогай мою мать, господин! Я никому не позволю ее обижать. Вы взяли от нас отца и думаете, что теперь матушка беззащитна? Нет, пока жив я – Мартын Скавронский, никто не посмеет обидеть ее!..

– Вот так защитник! – грубо расхохотался сержант. – Самого от земли едва видно, а туда же. Связать его... – коротко приказал он солдатам.

Двое из них бросились к мальчику, и вскоре Мартын был связан по рукам и ногам.

Остальные солдаты, исполняя приказание своего начальника, подошли к крестьянке и младшему ее сыну и, схватив их за руки, потащили вон из избы.

– Куда вы ведете нас? – прерывающимся голосом вскричала Мария, в то время как Мартын делал невероятные усилия, чтобы сорвать с рук туго охватывающие их веревки.

– Нам приказано доставить вас всех к начальнику здешнего края, князю Репнину, – ответил сержант. – А больше мы ничего не знаем... Говорят, сама царица велела, чтобы вы были доставлены к князю... Мы ослушаться не можем... Наше дело – исполнить приказ.

У крыльца стояла крытая кибитка. Они усадили маленькую семью и повезли по улице Дагобена, где было тихо и спокойно по-прежнему и никто не знал о беде, случившейся в эту ночь с бедной Марией Скавронской и ее двумя сыновьями.

* * *

Неделю спустя после того, как из маленькой деревушки Дагобен была увезена крестьянка с двумя сыновьями, в одной из пышных зал царского дворца в Петербурге происходил такой разговор:

– Ну, что? Ты исполнил, князь, мое приказание?

– Все исполнил, матушка-государыня... Уже сегодня утром, на заре, всех троих привезли к нам в Петербург. И как угодно было тебе, государыня, никто в Дагобене не знает, где они теперь...

– Спасибо, князь, спасибо!

Этот разговор происходил между императрицею Екатериною Алексеевною и главным ее министром и исполнителем ее приказаний, светлейшим князем Александром Даниловичем Меншиковым.

Это было много лет тому назад, вскоре после смерти императора Петра Великого. Незадолго до своей кончины царь заявил, что так как у него нет сына-наследника, который мог бы стать царем, то он желает, чтобы государством управляла после его кончины его возлюбленная супруга, царица Екатерина Алексеевна.

И желание царя было исполнено: после смерти Петра знатные вельможи провозгласили вдову царя русскою императрицею и решили, что она будет править государством.

– Ты знаешь, князь, – снова обратилась императрица к Меншикову, – что я давно уже хотела, чтобы мои родственники находились здесь, при мне... Тебе ведь известно, князь, что по рождению я такая же простая крестьянка, как и другие жители Дагобена... Там я родилась, там прошло мое раннее детство... В юные годы меня, по бедности отдали в семью лютеранского

священника пастора Глюка. А когда русские войска заняли нашу Лифляндию, я с пастором попала в плен. Покойный мой великий супруг, царь Петр Алексеевич, отличил меня и сделал своею женою, сделал русскою царицею... Он мог выбрать себе в жены знатную принцессу, но предпочел меня и не посмотрел на то, что я родом простая крестьянка... И из крестьянки и пленницы я стала супругой государя. Став царицею, я не забыла, что у меня остались там, в деревне, бедные родственники. И вот я решила, чтобы они были привезены сюда... Но все это приходится делать тайком от людей, никто не должен пока знать, что у теперешней императрицы всероссийской есть родственники простые крестьяне... И так уже много люди болтают зря о моем происхождении... А если б их увезли открыто, весь Дагобен узнал бы, а за ними вся Лифляндия, а этого нельзя. Не хочу я этого... – заключила государыня, строго нахмурив свои черные брови.

– А теперь, – произнесла она после минутного раздумья, – прикажи, князь, дворцовому начальнику, чтобы он позаботился о наших пленниках... Пусть ничего не жалеет... Пусть нарядит их в роскошные платья и даст им полную свободу гулять по дворцу... Я увижусь с ними случайно, чтобы не испугать их как-нибудь... Ах князь! Радуется мое сердце... Ведь родные они мне, брата Карла жена и дети... Никого нет у меня ближе их на свете, князь!

На минуту глаза императрицы затуманились. Точно легкое облачко покрыло ее лицо. И вдруг снова оно озарилось чудной, ласковой улыбкой.

– Смотри же, князь, хорошенько распорядись насчет моих милых пленников, – произнесла государыня, протягивая князю руку для поцелуя. – Я хочу, чтобы роскошью невиданной и почетом окружили с этого дня и мальчиков, и их мать и чтобы воспитатели занялись ими, научили их, как надо вести себя в царском дворце и среди вельмож. Исполнишь это, Александр Данилович?

– Исполню, государыня, все в точности, согласно твоей воле, – почтительно кланяясь, ответил князь.

– И еще, – прибавила государыня, – скажи кому следует, что я обоих моих пленников решила сделать графами. Отныне они должны называться графами Скавронскими, а мать их – графинею. Понял, князь?

– Понял, государыня. Все будет исполнено, как ты приказать изволила, – и с новым низким поклоном светлейший князь Меншиков покинул кабинет императрицы.

* * *

– Нет! Что же это за пытка такая! Заперли в четырех стенах и морят нас, точно гусей на убой перед святками... Коли решили казнить, так уж пускай казнят, только бы скорее... А то нет сил сидеть здесь дольше, ожидать, – так сердитым голосом говорил двенадцатилетний Мартын Скавронский, бегая по большой светлой горнице, точно маленький львенок, запертый в клетку. Его мать сидела в углу на лавке, сложив руки.

С тех пор как ее с двумя ее сыновьями, увезли из Дагобена, она почти все время проводила в молитве, со страхом ожидая, что не сегодня завтра ее разлучат с ее детьми.

Из Дагобена всех троих повезли прямо в город Ригу, где начальник края, князь Репнин, велел их привести к себе.

– Вас зовут Мария Скавронская? – спросил он сухо.

– Да, – чуть слышно отвечала бедная крестьянка.

– А тебя – Мартын Скавронский? – спросил князь, обращаясь к старшему мальчику.

– Да, меня зовут Мартын Скавронский, а моего младшего брата – Иван Скавронский, и мы, – прибавил смело спрошенный, – никакой вины за собой не знаем и ни в чем не провинились... За что же нас увезли из Дагобена?

– Это вы узнаете в Петербурге, куда велела вас привезти сама императрица, – ответил князь Репнин. – Кстати, – прибавил он, – не помните ли, была у вашего отца сестра?

– Как же, была, только мы ее не помним... Она... – и Мартын хотел было еще что-то прибавить, но мать в испуге быстро подскочила к нему и закрыла ему рот рукою.

– Молчи, Мартын! – крикнула она. – Ты погубишь нас всех!..

Князь Репнин больше не расспрашивал. Он велел лишь в тот же день приготовить дорожную колымагу и приказал солдатам отвезти Марию Скавронскую и ее сыновей в Петербург под крепким караулом и по дороге не разговаривать с ними, не спрашивать их ни о чем.

Дорога длилась долго-долго, несмотря на то, что везде по пути уже знали, что по повелению самой царицы везут в Петербург каких-то крестьянских мальчиков и что сама императрица приказала, чтобы везли их как можно скорее.

Но вот они прибыли в Петербург. Их поместили в одной из отдаленных комнат дворца, поставив у дверей на страже чуть не целый десяток солдат.

Дни проходили за днями, но к ним никто не приходил, кроме старого, глухого привратника, приносившего им еду, и который на все вопросы отвечал: «Не слышу!»

С каждым днем сердце Марии Скавронской сжималось все более и более в страхе за участь ее детей, а голова была наполнена самыми тяжелыми и печальными мыслями. Бедная женщина уже решила, что не сегодня завтра и ее, и ее дорогих мальчиков поведут на казнь, хотя ровно никакой вины за собой не знала.

Как-то раз утром у дверей комнаты, в которой сидела Мария и ее сыновья, раздался легкий стук. Мария и ее младший сын вздрогнули и прижались друг к другу.

– Это уж, наверно, пришли за нами, чтобы вести нас на смерть! – сказал Мартын. – Но не бойся ничего, матушка. Мы с братом умрем, как честные, храбрые люди, – произнес он твердым голосом.

Дверь горницы, где находились оба мальчика и их мать, распахнулась, и, неслышно ступая по мягким коврам, вошел человек в нарядном, обшитом позументами немецком кафтане, в седом парике. У него было очень важное лицо. За ним двое людей, одетых точно так же, внесли огромный ящик и поставили его посреди комнаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.